

Он из тех мастеров, которые умеют зажигать «звезды».

И какие! Джина Лоллобриджида, Жерар Филип, Лино Вентура, Жан-Поль Бельмондо...

Александр Александрович Мнушкин —

старейший французский кинопродюсер. И без преувеличения — крупнейший. «Александр Великий» — так часто зовут его не только за немалый рост — вот уже почти шесть десятилетий верой и правдой служит французскому кино.

Ведь за свою большую жизнь Мнушкин —

создатель кинокомпании «Фильм Ариан» — участвовал

в производстве более 300 картин. Всех не перечислишь!

Поэтому начнем-ка с великолепного «Фанфана-Тюльпана».

— 1951 год. Сидим в конторе «Фильм Ариан». Скучаем. На моем столе — очередной сценарий, сентиментальная история. Кто-то говорит: «Такой фильм вытянет только Жерар Филип». А где сейчас Жерар? Говорят, свободен от съемок и отдыхает в Марокко. Звоню в Марокко: «Жерар, хочешь сняться в мелодраме?» Он в ответ: «Я устал от грустных картин. Хочу чего-нибудь веселенького». Меня такой ответ даже обидел: «Тебе подавай какого-нибудь «Фанфана-Тюльпана»!» И слышу: «Почему бы и нет?»

Дело в том, что на днях мне как раз принесли сценарий «Фанфана-Тюльпана». Дрянная история!.. Но идея любопытная: персонаж из детской песенки, легендарная личность, чуть ли не народный герой. Приезжает Жерар Филип и спрашивает меня: «Где сценарий «Фанфана»?». — «Нет никакого сценария. Блеф все это!» — «Но идея-то хорошая!» Звоню Анри Жансону, сценаристу. Он свободен и готов работать. Звоню режиссеру Кристиану Жаку — он тоже свободен! Раз все в сборе, почему бы не сделать с такой командой хорошего фильма?

Задумали его как франко-итальянскую копродукцию. Героиня должна быть итальянкой. Еду в Рим, на «Чинечитта». Тут мне и говорят: «Есть у нас такая девочка — Джина Лоллобриджида. Очень красивая». Знакомят нас. И впрямь хороша. Умоляет на плохом французском: «Дайте хотя бы маленькую роль! Я буду стараться...»

Через две недели приезжает моя красавица в Париж. А мы уже раздули рекламу вокруг будущего фильма: в аэропорту — журналисты. Встречаем Джину. Пассажиры выходят, ее нет. Кристиан Жак с нетерпением спрашивает: «Ну, где же она?» Поднимаюсь по трапу в самолет. Вижу, сидит в пустом салоне — на голове какая-то дикая шляпка, с пером — и ревет. Боже мой, как я влип! Никто же, кроме меня, ее не видел. Скажут: ты какого воробья привез, Саня?! Скандаль!..

Сорвал с нее шляпку. Растрепал по плечам волосы. Припудрил носик — и вперед!.. Упрямая оказалась. Говорю ей: «Джина, с твоей фамилией нельзя сниматься. Язык сломаешь. Сделай просто — Джина Лолло». А она: «Нет, это моя фамилия. Так и останется!» Через несколько месяцев «Фанфан-Тюльпан» вышел на экраны, и весь мир научился выговаривать имя и фамилию новой «звезды» — Джинны Лоллобриджида.

Александр Мнушкин — прекрасный рассказчик. И на русском, и на французском.

— А ведь мы, Мнушкины, — коренные петербуржцы. Мой отец был известным издателем, в нашем доме всегда было много гостей — писателей, актеров, журналистов. Помню, как-то зимой я пошел к дедушке и бабушке на дачу, сторону Невы. Перед тем как мне собираться домой, звонит отец: «В городе беспорядки. Выходи, встретимся на Троицком мосту». Когда я взобрался на Троицкий мост, воочию присутствовал при начале Февральской революции. Как сейчас перед глазами: я посередине моста, с одной его стороны скачут казаки, с другой — атакуют матросы в

Великом — его постоянство. Во всем. В любви, в деловых связях, в дружбе.

— Надо признать: мне всегда везло на друзей. Помню, Лино Вентура, когда был в Париже, очень часто приходил прямо с утра к нам в контору, садился в уголок у окна и тихо сидел, посасывая трубку. Потом появлялся сценарист и режиссер Мишель Одиар, и все вместе мы шли обедать. Часто именно во время этих обедов и рождались идеи будущих фильмов: из газетного объявления, из строчки уголовной хроники...

Однажды Одиар принес мне книгу: «Прочти, можно сделать фильм». Прочел, понравилось. Звоню Лино: «Ты что делаешь?» — «Через час уезжаю на юг отдыхать». — «Можешь подъехать на минутку ко мне?» — «Хорошо». Вентура взял книгу, чтобы прочесть ее на отдыхе. А на следующий день рано

попавшие в русский плен во время первой мировой, они после того, как Советы подписали Брестский мир, должны были депортироваться во Владивосток, а оттуда на американских судах перебраться в Европу.

В окрестностях Саратова появились банды «зеленых», они грабили и убивали. Надо было бежать. Чехи согласились посадить нас на свой поезд. И вот — случай! В Челябинске, где наш поезд застрял на перегруженных путях, я разговорился с дежурным по вокзалу. Он спросил: «А как ваша фамилия?» Говорю: «А у меня как раз для Мнушкина письмо лежит!» Оказывается, от отца. Он не смог присоединиться к нам в Саратове, его поймали «красные» и арестовали как «буржуазного элемента». Тогда отец разослал 25 писем во все

но принялся за работу и поспешил удивить нас, предложив на главную роль Бельмондо. Жан-Поль был молодым, но уже достаточно известным актером, снимавшимся у таких режиссеров, как Годар и Де Сика. Однако нам нужен был герой не психологический, а силовый, отчаянный сорви-голова! И тут я опять решил рискнуть. В «Картуше» Бебель впервые предстал перед зрителями как рыцарь без страха и упрека, хотя порой и смешной. Он впервые сел на коня и взял в руки шпагу. С «Картуша» начался фейерверк наших картин, в которых Жан-Поль прыгал с парашютом и покорял сердца, совершал акробатические трюки на мотоцикле, умирал диких зверей и проходил сквозь огонь, воду и медные трубы. «Человек из Рио», «Похождения китай-

приходите к нам, мы поможем!» — «Что вы, нам ничего не надо. Все очень хорошо», — мы боялись, не понимая, почему вдруг к нам такое внимание. Через несколько дней приходит уже настоящий комиссар — в кожанке, с охраной: «У вас больная. Я пришлю продукты, поставлю караульного». И впрямь: на следующий день принесли консервов и бутылку водки. Я отдал бутылку караульному, тот ее «угворил» и только тогда «раскопослся»: «Говорят, из самой Москвы пришла телеграмма с приказом найти семью Мнушкиных. А подписано — Железный комиссар! Он скоро в Иркутск приедет».

Нас кормили, поили, холили, как могли — и вот пришла депеша: «Железный комиссар наконец-то приезжает!» Я пошел на станцию его встречать — может, это новый граф Монте-Кристо? Вот появился в клубах пара и дыма поезд, и из служебного вагона спустился... мой отец! Живой! Оказывается, перед самой казнью он сумел-таки сбежать из Саратова и добрался до Петрограда. Устроился работать в железнодорожный комисариат. Телеграммы, которые он разослал по всей стране, надеясь нас найти, были подписаны: «Жел. комиссар». Что означало: «Железнодорожный комисариат».

Или вот еще: мы стояли на маленькой станции под Красноярском. Было страшно холодно — минус сорок. Стояли потому, что «зеленые» взорвали мостик. Пока его восстанавливали, я спустился из теплушки на воздух и увидел мужиков, которые везли нечто тяжелое и продолговатое. Я подошел, в саних лежали семеро японцев. Замерзших японских солдат. Они были в золотых ризах и как мне показалось, с золотыми масками на лицах: чтобы спастись от мороза, японцы ограбили церковь и закутались по глаза в торжественные одеяния священников. Мохнатые сибирские лошади, скрип снега и семь самураев, замотанных, как в саван, в ризы. Даже у Курасава никто ничего подобного не видел.

Мнушкин — ночевник. Он из ныне почти исчезнувшего племени кинопродюсеров, которые, прежде чем найти режиссера деньги на съемки, сами исполняют все улолки и закоулки.

— Помню, Клод Лелюш первые три своих фильма сделал коммерчески неудачными. Он снял четвертый — «Мужчина и женщина» — и, не очень-то веря в его успех, пришел к нам: «Давай работать вместе». И вдруг — триумф! «Мужчина и женщина» идет на ура, мы с Клодом Лелюшем можем позволить себе дорогое удовольствие — снять новый фильм в экзотической обстановке, в джунглях Амазонии. Отправляемся в путешествие: два месяца ищем вдохновения среди лиан и пираний, исколесили 25 тысяч километров — и никаких идей. Вернулись в Париж и сделали фильм «Жить, чтобы жить» с Кэндис Берген и Ивом Монтаном.

Картинки «Фильм Ариан» снимались в Альпах («Имя розы») и в Гималаях («Похождения китайца в Китае»), в Амазонии («Человек из Рио») и на берегах Каибского моря («Великолепный»), но пока что ни разу в Сибири или, скажем, на берегах Невы.

— Жизнь еще не закончена. Я родился в Санкт-Петербурге, жил в Петрограде, а уехал из Ленинграда. Оставил Россию в 1925 году чтобы учиться во Франции на инженера. Пока разбирался в Париже что к чему, на дворе уже 1928 год: со Сталиным и его «товарищами» в Кремле все было ясно... Я всегда верил, что когда-нибудь Санкт-Петербург все равно станет Санкт-Петербургом, но думал, что не доживу до этого. А выходит, История движется гораздо быстрее, чем я полагал. Вся жизнь я стыдился, когда Советские «вели себя плохо», и гордился, когда Россия совершала подвиги. К счастью, в последние годы больше горжусь.

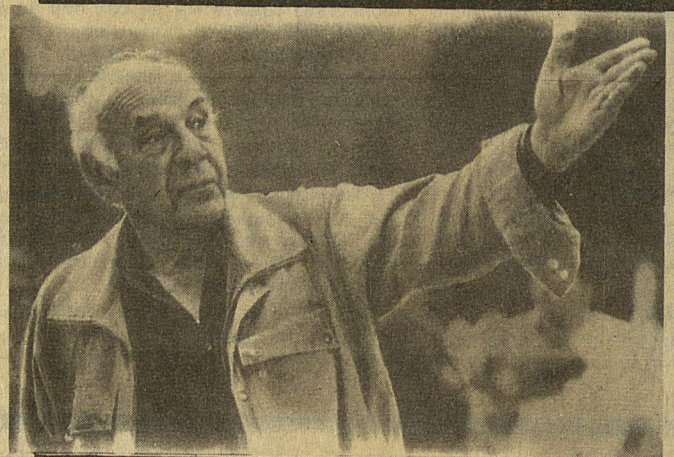
Интервью взял
Кирилл ПРИВАЛОВ

ПАРИЖ

Лит. газета — 1992. — 17 июня (25) — с. 14

Сам он не звезда...

Встреча с русским продюсером французского кино

КИНОЖИЗНЬ Александра Великого

бушлатах. Жандарм в круглой мерлушковой шапке кричит мне: «Уходи отсюда! Тебя убьют!» А мне ничуть не страшно, словно передо мной фильм снимался. Странно, но кажется, будто я и не видел мертвых. Все было храбро и весело... Не поверите, но когда в августе прошлого года я увидел по телевизору, что творится в дни и ночи коммунистического путча у Белого дома в Москве, сразу вспомнил февральские дни 1917-го: храбро и весело! Так, наверно, и делаются революции. Когда начинается террор, это уже контрреволюция.

«Годы просвещения» и «Страшные годы» — так назывались два фильма, снятые «Фильм Ариан» к 200-летию Французской революции.

— В 84-м году я подошел к фильму о русской истории. Это был рассказ о последних днях жизни Льва Толстого: бегство писателя из Ясной Поляны, его раскаяние и духовное завещание. Реальное переживается с вымышленным, герои Толстого приходят к нему как живые люди. Сейчас тот фильм — главный для меня.

Парижские хроникеры его нередко называют «баринком». И в самом деле — в Александре Мнушкине чувствуется та спокойная, теплая сила, которая была у любимых толстовских героев: Пьера Безухова, Левина. Скрытый темперамент? Конечно. Щедрость души? И это тоже. Но главное в Александре

утром звонит: «Прочел запоем твою книгу. Когда начнем съемки?» Так получился фильм «Под арестом», одна из наших последних работ с Мишелем Одиаром, человеком удивительно талантливым, но страшно богемным.

На стенах — книжные стеллажи и фотографии родных и друзей. Дочери, в одной из которых узнаю Ариан Мнушкин, талантливейшего французского режиссера («К сожалению, мои дочери по-русски не говорят. Жена была англичанкой»), Жан Кокто («Конечно, делать фильм из театральных пьес было делом рискованным. Но у меня вообще несколько притупленное чувство страха. Первым моим фильмом с Кокто был «Двуглавый орел»).

— А что вы делали во время войны, Александр Александрович?

— Выживал в Бордо, где с моим компаньоном по «Фильм Ариан» Жоржем Дансжером «химичил», изготавливая эрзацы бульонов. Поймите, я так наводился в «гражданку», что на всю последующую жизнь стал убежденным пацифистом.

Каждое лето наша семья отправлялась из Петербурга на отдых. Гражданская война застала нас в санатории Павликаново, под Саратовом, где стояли эшелоны пленных чехов и словаков.

крупнейшие российские города — на вокзалы, надеясь, что хоть одна-то весточка до нас дойдет. Писал, что его приговорили к смертной казни.

Наша семья начала носить траур.

Мы остались с «чешским» поездом. В конце концов чехи взяли меня на довершение, сделали своим вестовым. Так наш поезд пробивался с боями два с половиной года. Дотрясались в теплушке чуть ли не до Владивостока. Американцы предложили нам отправиться или в Европу вместе с чехами, или прямым курсом в Америку, но мама отказалась. Мы поняли, что не в силах покинуть Родину. Возвращаться домой было некуда, мы осели в Иркутске...

Герои многих фильмов Мнушкина ловко скачут на конях, искусно фехтуют. Если убивают, то только злодеев. И еще — мстят, никого и ничего не боясь. Герои для Бельмондо. Тринадцать фильмов с Бебелем — так зовут Жана-Поля Бельмондо во Франции — сделаны «Фильм Ариан».

— С Бебелем меня познакомил режиссер Филипп де Брока. На свой страх и риск — первую картину в «Фильм Ариан» «Любовник на пять дней» он полностью провалил, но это была не его вина, — я решил доверить де Брока ставить очень дорогой по тем временам фильм — «Картуш», историю о благородном разбойнике. Он решитель-

ца в Китае», «Великолепный», «Маргиналы»...

Мне кажется, что Бельмондо перебрал немного с этими силовыми фокусами — слишком вошел во вкус. Надо знать меру, ведь он не просто «звезда», а большой актер, способный играть все — Отелло, Кина, Сирано! Даже актеру, всю жизнь работавшему на съемочной площадке без страховки, надо уметь стареть благородно, а не болтаясь на веревке за вертолетом. К счастью, Бебель это вовремя понял. Он один из моих самых близких друзей, людей с таким большим сердцем среди нового поколения французских артистов нету. И вообще: у нас сейчас много очень хороших, добросовестных актеров, но «звезд», способных только одной своей фамилией в титрах зажечь зрителя, я что-то не вижу. Кино стало сегодня более техничным, отдаленным от жизни. А зря — ведь она порой подсказывает такие сюжеты!

Сама жизнь Александра Мнушкина — чем не сюжет для кино?

— В Иркутске мама не вставала с кровати: после того как она переболела черной оспой, отнялись ноги. Один голодный день шел за другим, но вот как-то является представитель комиссариата и ласково так спрашивает: «Вам чего-нибудь нужно? Не стесняйтесь,